

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

STATE AND LAW IN CONTEMPORARY WORLD

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-477-493>

EDN: FDEMVT

Научная статья / Research Article

Правовая культура в виртуальном пространстве

М.Е. Черемисинова

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

 mecjuly@yandex.ru

Аннотация. Цель работы – исследование особенностей формирования правовой культуры в виртуальном пространстве с позиций необходимости создания безопасной и продуктивной среды для интернет-коммуникации. Актуальность исследования определяется особым вниманием, которое уделяется поведению участников сетевого взаимодействия в Интернете, воздействию на их деятельность кросс-культурных процессов, технологических нововведений и социальных последствий использования технологий. В ходе исследования использован диалектический метод познания. Культурно-правовые характеристики рассматриваются с точки зрения: правовых традиций; социальных новаций; свободы от правовых ограничений; скорости развития технологий, позволяющих пользователям выбирать определенные варианты поведения. В результате выявлены специфические черты правовой культуры, проявляющиеся в виртуальном пространстве и отражающие ее устойчивые, а также подвижные характеристики. Подчеркивается, что в виртуальном пространстве происходит в определенном смысле борьба за правовую культуру, адаптация различных ее образцов к новой социально-технологической среде. Сформулирован вывод о том, что правовая культура и ее отдельные проявления становятся восполняющими, иногда замещающими способами регулирования интернет-отношений в отсутствие четких нормативных правовых предписаний. В связи с этим возрастает значение правовой культуры, способствующей поиску подходов к правовому регулированию в условиях социализации технологий.

Ключевые слова: правовая культура, интернет, виртуальное пространство, новые технологии, правовые традиции, правовой статус субъекта, правовое состояние субъекта, социализация технологий

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 24 августа 2023 г.

Принята к печати: 15 июля 2024 г.

© Черемисинова М.Е., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Черемисинова М.Е. Правовая культура в виртуальном пространстве // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 3. С. 477–493. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-477-493>

Legal culture in the virtual space

Maria E. Cheremisinova

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

 mech.july@yandex.ru

Abstract. The article aims to examine the peculiarities of the formation of legal culture in the virtual space from the standpoint of creating a safe and productive environment for internet communication. The relevance of the research is determined by the special attention given to the behavior of participants in online interactions, the impact of cross-cultural aspects, technological innovations and the social consequences of technology on their activities. In the course of the study, the dialectical method of cognition was used. Cultural and legal characteristics are considered from the point of view of legal traditions, social innovations, freedom from legal restrictions, and the development of technologies that dictate certain behaviors. As a result, specific characteristics of legal culture manifested in the virtual space have been identified, reflecting its stable and dynamic features. It is emphasized that in the virtual space, there is so called struggle for legal culture, as various samples are adapted to the new socio-technological environment. The conclusion is drawn that legal culture and its individual manifestations become supplementary, sometimes substituting means of regulating internet relations in the absence of clear regulatory legal prescriptions. In this regard, the importance of legal culture increases, contributing to the search for approaches to legal regulation in the conditions of technology socialization.

Key words: legal culture, Internet, new technologies, virtual space, legal traditions, legal status of the subject, socialization of technology

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 24th August 2023

Accepted: 15th July 2024

For citation:

Cheremisinova, M.E. (2024) Legal culture in the virtual space. *RUDN Journal of Law*. 28 (3), 477–493. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-477-493>

Введение

Виртуальное пространство рассматривается в настоящем исследовании как синоним Интернета – глобальной информационно-коммуникационной сети, в которой осуществляется социальное взаимодействие множества субъектов права и цифровизации общественных процессов. Фактически это социально-технологическая система, стремительное распространение которой в новом тысячелетии повлекло переосмысление многих общественных установок, сформировавшихся на предыдущих этапах развития современной цивилизации.

В настоящее время очевидно, что, как и любое другое поле социального взаимодействия, виртуальное пространство подчинено законам развития права. Его

правовое наполнение постоянно увеличивается, отражая текущий этап эволюции правовых постулатов и уровень осознания субъектами важности правовых положений.

Природа виртуального пространства имеет определенные, в том числе технологические, особенности, отличающие ее от реального мира, в которых на протяжении веков утверждались регулятивные нормы общественных отношений. К таким особенностям, в первую очередь, относятся трансграничная архитектура, сетевое устройство и скорость распространения информации, позволяющая пользователям преодолевать естественные пространственно-временные границы.

Правовая культура в виртуальном пространстве как поведенческий фактор в деятельности субъектов также обладает определенной спецификой, требующей исследования с позиций необходимости создания безопасной и продуктивной среды для интернет-коммуникации. Актуальность этой темы постоянно возрастает в связи с серьезными ставками, которые государства делают на развитие цифровых технологий в целях повышения своей конкурентоспособности.

Подчеркнем, что акцент в данном исследовании ставится именно на поведенческом аспекте как первичном выражении всего сложного, многоаспектного феномена правовой культуры. В юридической литературе отмечается, что с понятием «правовая культура» тесно связано правосознание, а культура в широком смысле – это и есть общественное сознание (Vlasenko, 2009:227). При этом уровень и качество правовой культуры измеряются в том числе состоянием правосознания, т.е. степенью знания права, качеством отношения к нему (Vlasenko, 2009:227).

«Население» виртуального пространства определенным образом задает его культурно-правовые характеристики, которые влияют на весь процесс развития глобальной информационно-коммуникационной среды, причем не меньше, чем совершенствование технологий. Более того, контраст в поведении пользователей онлайн и офлайн, зачастую обостряет общеправовую проблему отношения людей к социальным, в первую очередь к правовым регуляторам. В этом случае уровень правовой культуры становится индикатором эффективности правовых норм, устойчивости правовых традиций и необходимости изменений в правовой сфере.

Проблематика правовой культуры в контексте развития новых технологий активно развивается (Ivanova, 2019:149; Shapovalova, 2020; Pevtsova & Sapogov, 2021; Khokhlova & Duvayarova, 2022), что обуславливает повышенное внимание к методологии ее исследования.

Методологические подходы к изучению правовой культуры в новой социально-технологической среде

Одна из ключевых причин устойчивости и ценности категории «правовая культура» как некоей юридической синтагмы – интонационно-смыслового единства, позволяющего не только вычлнить понятие из обширного понятийно-категориального и речевого потока, но и укоренить его в сознании и профессиональной деятельности людей. Полагаем, это важно отметить в связи со значительным разнообразием подходов к понятию правовой культуры, ее трактовок в социологической, философской, психологической и иных науках, дающих возможность междисциплинарного исследования этого вопроса.

Вместе с тем, обозначая виртуальное пространство как новое, до конца неизведанное с правовой точки зрения явление, большое значение имеет подход, сформулированный отечественными правоведами и касающийся относительности смысла правовой культуры. По мнению В.С. Нерсисянца, правовая культура – это не всегда совершенное, положительное в правовом бытии, поскольку она может быть высокой и низкой, совершенной и не очень (Nersesyants, Muromtsev & Mal'tsev, et al, 2002:66).

Действительно, в виртуальном пространстве происходит своеобразная борьба за правовую культуру, восприятие различных ее образцов, столкновение концепций. Во многом правовая культура и ее отдельные проявления становятся восполняющими, иногда замещающими способами регулирования интернет-отношений – в отсутствие четких нормативных правовых предписаний. В литературе отмечается, что «в структуре сферы правового регулирования появился новый элемент – отношения, которые должны быть, но на данном этапе объективно не могут быть урегулированы правом в необходимом объеме» (Khabrieva, 2018:11). Однако частично регуляция может быть осуществлена и во многом она складывается благодаря культурно-правовым средствам и способам.

Право и его культурная составляющая проверяются «на прочность», испытывая воздействие кросс-культурных коммуникаций, новых традиций, глобализации с ее мульти- и поликультурализмом, технологических нововведений и социальных последствий их использования. Это обуславливает наличие различных уровней культуры, что в свою очередь не позволяет идеализировать данную категорию. Речь можно вести скорее о правовой культуре как о рабочем инструменте, способствующем становлению правопорядка в новой социотехноантропосфере.

Тем не менее на данном этапе функционирования Интернета все, что сопряжено с правовыми установками, можно причислить именно к культуре, чтобы подчеркнуть значение права в целом для данной среды. Это имеет значение при разграничении понятий правовой культуры и антикультуры – полного отрицания моделей правомерного поведения, базирующегося либо на «слабых местах» действующего правового регулирования, либо на новых возможностях/свободах, еще не подпадающих под действие права, либо на незнании (непризнании) целесообразности использования правовых средств регулирования отдельных интернет-действий.

Стоит упомянуть, что виртуальное пространство и вся совокупность социальных процессов, протекающих в нем, — неотъемлемая часть постиндустриального общества, определившая все наиболее сложные вызовы современности. Его культурно-правовые характеристики можно рассмотреть с позиций:

- правовых традиций – сохранения (перенесения) обычаев и норм из реальной жизни в виртуальную;
- социальных новаций, повлекших новые возможности реализации прав, а следовательно, новую оценку (переоценку) правовых регуляторов, обеспечивавших ранее защиту от правонарушений;
- свободы от правовых ограничений, существующих в реальном мире;
- развития технологий, подконтрольных довольно узкому кругу субъектов, но диктующих определенные варианты поведения.

Правовая культура виртуального пространства и правовые традиции

Правовые традиции оказались довольно устойчивы в новой социально-технологической сфере. Этим обуславливается сильная система саморегулирования,

созданная как энтузиастами, так и профессиональными разработчиками интернет-ресурсов. Можно предположить, что правовая культура реализовалась в культуре саморегулирования, когда субъекты, очевидно имеющие довольно высокий уровень образования, воспитания и благосостояния (способные приобрести необходимое оборудование), выстроили индустрию информационных возможностей с привлечением огромного числа заинтересованных лиц. В начале 2000-х гг. в научной литературе отмечалось, что в России идеи саморегулирования постепенно начинали восприниматься в качестве одного из основных механизмов регулирования отношений, возникающих в связи с использованием сети Интернет (Lebedeva, 2004). В настоящее время ситуация определенным образом изменилась, и доля государственного участия в интернет-процессах возросла. Однако именно саморегулирование послужило активному развитию информационно-телекоммуникационных ресурсов, их глобальному распространению и внедрению в повседневную жизнь людей.

Под саморегулированием подразумевается деятельность частных лиц и организаций, которые внедрили в практику использования Интернета различного рода пользовательские соглашения (условия использования тех или иных ресурсов). Эти соглашения эволюционируют, их позиции меняются, но в целом они могут служить основанием для защиты прав сторон сетевого взаимодействия в судебном порядке.

Хорошим примером саморегулирования служит оперативность, с которой разработчики (владельцы), по крайней мере крупных IT-компаний, реагируют на сбои в работе своих систем. Для того чтобы принять меры по исправлению аварийных ситуаций, которые зачастую связаны с нарушением прав пользователей (в частности, утечкой персональных данных), они не нуждаются в принудительных механизмах со стороны властей. Брешы в программном обеспечении или восстановлении инфраструктуры закрываются достаточно быстро. В одном из исследований приводится ситуация, когда ошибка программного обеспечения Facebook¹ на 30 минут открыла все электронные адреса пользователей (Steinschaden, 2011:204). Иными словами, неисправность была устранена в течение получаса – «космическая» скорость реагирования на неполадки, затронувшие интересы пользователей с учетом технической сложности инфраструктуры социальной интернет-сети.

Тенденции распространения так называемого горизонтального регулирования – предмет многих современных правовых исследований. Так, отмечается, что в рамках регулирования медиаматики (Minbaleev, Martynov & Kamalova, 2020:83) – от отраслевой к интегрированной характеристике – происходит постепенное институциональное изменение в сфере телекоммуникаций и СМИ, а также развитие института конвергенции в Европе. Например, в Великобритании существует Комиссия по стандартам вещания, Независимая телевизионная комиссия и иные органы, которые осуществляют свою деятельность на основе стандартов и правил, выработанных профессиональным сообществом. По сути, речь идет о институте саморегулирования (Minbaleev, Martynov & Kamalova, 2020:85).

Примерами активного и эффективного саморегулирования являются также специализированные общественные организации, в частности РАЭК (Российская ассоциация электронных коммуникаций), РОЦИТ (Региональный общественный центр интернет-технологий), Фонд развития Интернета, Лига безопасного Интернета и др.

¹ Данный интернет-ресурс запрещен на территории Российской Федерации по основаниям осуществления экстремистской деятельности (решение Тверского районного суда г. Москвы от 21 марта 2022 г. по делу № 02-2473/2022).

В литературе также обращается внимание на наличие «стихийной регуляции в правовой сфере, когда кроме урегулированных правом существует множество неправовых фактических отношений. Последние можно назвать неформальными отношениями, которые складываются между людьми в силу их социально-психологических ценностей, мотивов и целей деятельности» (Tikhomirov, 2010:134). Социальное наполнение виртуального пространства во многом осуществляется именно таким «стихийным» способом. При этом важно создание правовых условий для саморегулирования – заключения договоров, локальных актов, норм-самообязательств (Tikhomirov, 2010:134), которые во многом – результат развитой правовой культуры и ее элементов.

Таким образом, традиции как элемент правовой культуры выполняют в виртуальном пространстве регулиующую роль на основе устойчивых представлений субъектов права о правомерном и неправомерном поведении, механизмах урегулирования различных вопросов, необходимости учета взаимных интересов и т.д. В условиях стихийного развития общественных отношений они могут выполнять восполняющую (замещающую) нормативные правовые акты роль с использованием институтов саморегулирования, самообязательств и самоограничений.

Влияние новых социальных практик на правовую культуру

Социальные новации выполняют иную функцию в становлении правовой культуры виртуального пространства. Под социальными новациями можно понимать новые возможности, которые получили субъекты права в результате распространения Интернета. В качестве примеров можно привести, в первую очередь, трансграничное общение, которое стало доступно в результате внедрения Интернета, а также процесс преобразования статусов субъектов права, когда потребитель информации стал полноправным участником создания информационных ресурсов, информация начала приобретать свойства товара, а культура субъектов – индивидуализироваться, т.е. субъекты получили возможность создавать свой собственный культурный контент и формировать собственную культурную среду.

В работе М. Кастельса можно найти описание такой новой социальной практики, как сетевой индивидуализм, формирующий образец взаимодействия в сетевом обществе (Castells, 2023:173). Со ссылкой на социологические исследования он утверждает, что в век Интернета индивиды расширяют свои взаимодействия, используя богатство коммуникационных сетей для их передачи, но делают это выборочно, создавая собственный культурный мир на основе своих предпочтений и целей и изменяя его в соответствии с изменением своих личных интересов и ценностей (Castells, 2023:173). Культурный мир в данной работе понимается максимально широко. При этом представляет интерес вопрос, сформулированный автором, – фрагментируется или интегрируется культура в процессе коммуникации (Castells, 2023:178).

В отношении правовой культуры постановка этого вопроса также требует внимания с учетом предложений об индивидуализации правового регулирования и применения, в частности, автоматизированных средств исполнения обязанностей. Существует теория, в которой применительно к информационному обществу сформулирована идея так называемого метаправа, способная, по мнению ее разработчика, разрешить социокультурную напряженность, а именно «регулировать самые

быстрые процессы в экономике и налоговой сфере в реальном времени, избавить субъекты от нарушения (по причине их незнания) некоторых норм права путем дозволения частичной автоматизации некоторых процессов правотворчества и правоприменения» (Goloskokov, 2003:168).

В связи с этим возникает вопрос об отношении субъекта к автоматизированным способам исполнения обязанностей, о влиянии такого подхода на правосознание с учетом того, что отношение к автоматическому исполнению обязанностей как к принудительному может повлечь: а) активизацию развития технологических способов правонарушений; б) девальвацию идеи об активной (перспективной) ответственности, развитие которой в контексте правового воспитания и правосознания играет одну из ключевых ролей.

В процессе апробирования новых социальных практик коммуникации происходит оценка (переоценка) действующих правовых регуляторов. Такая оценка и соответствующие оценочные отношения очень важны и, по данным некоторых исследований, являются структурными элементами правовой культуры (Keizerov, 1982:231; Granat & Panasyuk, 1998:3). Важное значение придавал оценке социальных процессов информатизации и Д. Белл, утверждая, что особенностью постиндустриального общества будет требование более совершенного социального управления и более широкого использования экспертных оценок (Bell, 2004).

Так, права и свободы человека и гражданина в виртуальной среде не подвергаются сомнению, сохраняются в качестве основной правовой ценности и опоры для развития законодательства как на международном, так и на национальном уровне регулирования. Вместе с тем приоритетность их защиты подвергается переосмыслению. В частности, возникает вопрос — что важнее: защита персональных данных или интересов субъекта предпринимательства (Lazarev, et al., 2020a:40, 41)². Ответ на это вопрос не настолько очевиден, как может показаться на первый взгляд. По мере совершенствования интернет-ресурсов и привлечения к их использованию все более широкой аудитории неизбежно возникла идея коммерциализации работы таких ресурсов. Сложность состояла в том, что для пользователей интернет-сайты должны были оставаться бесплатными. В результате возникла схема сбора больших данных и соответствующая технология, которая позволила развернуть масштабный «товарооборот» информации, курсирующей в Интернете. Это в определенной степени устраивает обе стороны таких информационных отношений — субъект персональных данных имеет доступ к почти неограниченным возможностям получения и распространения информации, а разработчики ресурсов — достойную отдачу от затраченных творческих и финансовых вложений. В то же время по мере углубления информационного взаимодействия и проникновения интернет-технологий практически во все сферы реализации прав и свобод (помимо информационных) влечет

² Этот вопрос уже стал предметом рассмотрения в практике Конституционного Суда РФ. В одном из дел заявительница констатировала приоритет интересов юридического лица над интересами субъекта персональных данных. Однако Конституционный Суд РФ отметил, что п. 5 ч. 1 ст. 6 Закона № 152-ФЗ, «допуская обработку персональных данных, если она необходима для исполнения договора, стороной которого либо выгодоприобретателем или поручителем по которому является субъект персональных данных, направлен на реализацию принципа надлежащего исполнения обязательств в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона (ст. 309 ГК РФ), обеспечивает защиту прав участников договорных отношений, в том числе по предоставлению коммунальных услуг, справедливый баланс их законных интересов и не может расцениваться как нарушающий конституционные права и свободы заявительницы в указанном в жалобе аспекте».

постановку вопроса о соотношении права на свободу предпринимательской деятельности и права на защиту персональных данных как составляющей фундаментального права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

Боле того, простая (казалось бы) схема информационного обмена – услуги в обмен на информацию – стала охватывать и сферу национальной безопасности, что повлекло усиление государственных начал в регулировании интернет-отношений. В настоящее время это общемировая тенденция, которая в свою очередь повлекла новые вызовы для института защиты прав и свобод и даже формирование так называемого цифрового сопротивления, ратующего за сохранение максимальной свободы в виртуальной среде.

В исследовании одного из наиболее известных теоретиков информационного (постиндустриального) общества М. Маклюэна подчеркивается влияние технических средств на процесс формирования культуры, обозначается скрытая опасность использования информационных технологий, когда «объединенный человек» может стать объектом невидимой эксплуатации и всеобъемлющего контроля (McLuhan, 1987: 169, 170). В связи с этим автор отмечает, что средства информации становятся средой обитания человека и ему необходимо понять их природу и взять под контроль возможности их влияния на свое сознание.

При этом значимым фактором для правовой культуры становится осознание субъектом степени собственной незащищенности, снижения эффективности правовых механизмов, что может привести к сомнениям в правильности сути построения правовых основ и далее – к правовому нигилизму.

Во многом новые социальные практики и их правовое опосредование в нынешних условиях развития технологий и общества, как ни парадоксально, ведут к идее о том, что права и свободы в виртуальном пространстве (возможно, в их модифицированных или адаптированных к интернет-коммуникациям формах) требуют повторного утверждения, расстановки приоритетов и установления баланса между публичными и частными интересами. Права и свободы как остова правовой культуры, позволяющий их носителям осознавать свои возможности, соизмерять их со своими устремлениями и соответственно выстраивать поведение, нуждаются также в более четком дополнении обязанностями.

Обязанности в контексте правовой культуры, особенно в процессе формирования и апробирования социальных новаций, также имеют важное значение. В связи с тем, что корреляции прав и обязанностей в виртуальном пространстве остаются во многом неопределенными, как минимум в части гарантий и субъектов, способных их обеспечить (государство или частные субъекты – владельцы ресурсов или средств связи либо разработчики, контролирующие технические условия использования Интернета), культурно-правовые установки приобретают характер определяющих текущее и перспективное развитие глобальной сети.

Подобный оптимистичный прогноз можно дать благодаря такому признаку правовой культуры, как рациональность, имманентно присущему правовой культуре как «метаюридической» (Avtonomov, 2016:7) категории, определяющей поведение субъекта без прямого юридического (в том числе принудительного) воздействия. Иными словами, правовая культура «отбирает» и «вбирает в себя» те ценности и образцы поведения, которые субъекты – носители культуры – считают наиболее справедливыми, рациональными, полезными для себя и своей деятельности.

Полагаем в качестве социальной новации можно рассматривать феномен интернет-мемов, который чрезвычайно распространен в интернет-среде и становится предметом исследования представителей юридической науки (Lazarev, 2020b). Благодаря представителям теории права сами мемы постепенно выходят за рамки широко распространенных интернет-сюжетов и возвращаются к своему изначальному значению, предложенному Р. Докинзом при анализе структурных частей социокультурной информации («единицу передачи культурного наследия»), способных к изменению и развитию. В исследовании М.М. Барановой отмечается, что мем-идеи присущи правовой культуре, долговечны, распространяемы, широко и довольно точно копируемы. Они способны детерминировать и формировать представление граждан о праве и правовой реальности, влиять на уровень правовой культуры и правосознания (Baranova, 2020:128). Автор вводит термин «правокультурный мем» и предлагает понимать под этим термином единицу передачи правового культурного наследия, т.е. сжатую до легко воспринимаемого образа единицу правовой информации, способную передаваться от одного сознания к другому.

Подобный стиль трансляции правовой информации (а в перспективе, возможно, и правового знания) можно отнести к процессу поиска новых форм визуализации права (Chuiiko, 2013:121–131), его популяризации в современных молодежных социальных практиках, приспособления к скорости распространения информации в Интернете и необходимости реагирования на нее.

Свобода и правовая культура

Свобода как индикатор уровня правовой культуры, ее устойчивости и способности к развитию играет одну из ключевых ролей в пространстве Интернета. Полагаем, именно это направление исследований перспективно в плане изучения правовой культуры. В контексте свободы отчетливо проявляется сила (уровень) правосознания субъекта и способность выстраивать свое поведение без учета внешних рычагов контроля, давления, властного принуждения.

Кроме того, свобода дает возможность пересмотреть или подтвердить сложившиеся парадигмы в области урегулированных правом общественных отношений. Это можно продемонстрировать на примере проблемы защиты исключительных прав на произведения, ставшей одной из первых проблем, связанных с открытым доступом к результатам творческого труда. Нет сомнений в том, что ценность Интернета заключается в широких возможностях доступа к объектам культуры, литературы, искусства. Свободный доступ к информационным ресурсам, содержащим результаты творческой деятельности, сыграл решающую роль в успехе широкого распространения Интернета. Вместе с тем он обозначил уязвимость таких нормативно-правовых установок, которые на протяжении долгого времени обеспечивали справедливость во взаимоотношениях создателей и потребителей результатов творчества.

Необходимо напомнить, что для утверждения института защиты авторских и исключительных прав на произведения потребовалось более трех веков после внедрения печатного станка, изобретенного в XV в. Иоанном Гуттенбергом, что обусловило своеобразный информационный взрыв и оказало колоссальное влияние на всемирную историю и культуру. На начальных этапах развития книгопечатания авторы произведений находились в довольно невыгодном положении, поскольку основные

плоды их труда пожинали владельцы средств производства, позволявших распространять эти труды в удобной для восприятия форме. Фактически только с принятием Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 9 сентября 1886 г. ситуация коренным образом изменилась и началось активное развитие законодательства в области защиты интеллектуальных прав. Этому способствовала не только борьба авторов за свои права (большое влияние на это процесс оказал В. Гюго), но и осознание взаимозависимости авторов и книгопечатников друг от друга. К моменту, когда взаимная заинтересованность обеих сторон пришла к некоему балансу, сложились предпосылки выхода данного вопроса на законодательный уровень.

История виртуального пространства демонстрирует новый виток развития общественных отношений в этом вопросе. Приходится констатировать, что ситуация повторилась практически полностью. Интернет-ресурсы по своей значимости довольно быстро стали превалировать над интересами правообладателей, предоставляя в открытый доступ произведения в удобной форме, приемлемом качестве и обеспечивая их моментальную ретрансляцию для широкого круга лиц. В этой ситуации оказались малоэффективны как нормативные правовые регуляторы, так и культурно-правовые установки основной части пользователей Интернета. Последовательное введение нормативных регуляторов в этой сфере – от установления индивидуальной ответственности пользователей (в США) до формирования специализированных ведомств (например, интернет-полиции во Франции) позволило несколько преломить ситуацию, но серьезного прорыва не произошло. В сети можно найти практически любое произведение в открытом доступе. Для этого необходимы только технические навыки.

Таким образом, парадигма взаимодействия между автором и распространителем результатов его творчества сохранилась, она проявилась в новом цикле развития технологий, спроецировав те же проблемы, что возникли во времена И. Гуттенберга, отбросив правообладателей на несколько веков назад в их возможности реализовать свои исключительные права на созданные ими произведения.

При этом правовая культура в качестве обширного правового опыта и достаточных знаний о возможности и необходимости защиты прав определенной категории субъектов выполняет функцию поиска оптимальных регуляторов данной сферы общественных отношений. Иными словами, ситуация не принимается как данность, а заставляет заинтересованные стороны искать релевантные способы обеспечения своих прав и приемлемое соотношение прав и обязанностей.

Другим примером воздействия свободы на социальные процессы в виртуальном пространстве является анонимность, изначально заложенная в технические характеристики работы интернет-коммуникации. Известно, что в глобальной сети осуществляется идентификация прежде всего устройств, а не конкретных лиц, которые пользуются этим устройством. Это один из наиболее актуальных и сложных вопросов, связанных с правовым регулированием глобальной сети.

С одной стороны, возможность реализовать права и свободы, не раскрывая своей личности, ведет к злоупотреблениям и правонарушениям, позволяя избежать ответственности. С другой стороны, признается «естественное» значение права на анонимность для отношений в Интернете, направленное на защиту от произвола и трактуемое как основание гарантии свободы слова. Так, в Рекомендации Комитета

Министров Совета Европы о свободе в Интернете³ отмечается, что государство не запрещает законодательно или на практике анонимность, использование псевдонимов, конфиденциальность частных сообщений или использование шифровальных технологий. В Докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2010 г.⁴ говорилось, что право на частную жизнь предполагает и право на анонимность, право оставаться неузнанным. Все типовые ситуации, допускающие установление личности конкретного гражданина без его согласия, должны быть оговорены в федеральном законодательстве, а ему самому известны и понятны (Gracheva & Cheremisinova, 2021).

Однако в связи с тем, что анонимное использование интернет-ресурсов показало довольно низкий уровень правовой культуры (массовое распространение получили такие негативные явления, как кибербуллинг, неконтролируемое размещение противоправного контента, киберсквоттинг и многие виды криминальных действий, предусмотренных действующим уголовным законодательством), вопрос о правовом регулировании идентификации субъектов как ключевой в системе формирования правопорядка в виртуальном пространстве сохраняет свою актуальность.

В науке отмечается, что «цифровая трансформация влечет за собой развитие информационных отношений в сфере идентификации, обусловленное унификацией организационно-правовых требований к идентификации и необходимых для совершенствования государственного управления и обеспечения информационной безопасности, в том числе создание цифрового пространства доверия» (Naumov, 2021:14). Это подтверждает сентенцию о том, что при низком уровне правовой культуры и недостаточности общественных (добровольных) способов регулирования повышается значение государственных механизмов и институтов, способных «вернуть» новые отношения в правовое (правомерное) русло, обеспечив процессы правового воспитания, просвещения, властного принуждения и т.д.

Важной новеллой в науке и, возможно, правовой практике является предложение о формировании нового вида охраняемой тайны — тайны идентификации, под которой предлагается понимать совокупность сведений, полученных и (или) созданных идентифицирующим лицом в рамках его деятельности, доступ к которым ограничивается федеральным законом (Naumov, 2021:14). Это должно обеспечить некий баланс между защитой от правонарушений со стороны анонимных пользователей и возможного произвола со стороны получающих доступ к личной информации лиц. Подчеркнем, что закрепление данного института на уровне федерального закона обозначает важность роли государственного регулирования в вопросах формирования правовой культуры.

В России на государственном уровне этот вопрос зафиксирован в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы⁵, т.е. формирование правосознания граждан, их «пользовательской культуры» и ответственного отношения к использованию информационных технологий фактически отнесено к стратегическим задачам. Иными словами, сфера саморегулирования

³ CM/Rec(2016)5.

⁴ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2010 год // Российская газета. 2011. № 101. Опубликовано: 12.05.2011.

⁵ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.

здесь далеко не единственная, но вряд ли это можно рассматривать однозначно как сокращение поля свободы, скорее как попытку поиска необходимых гарантий безопасности и правопорядка.

В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. № A/RES/68/167 декларируется, что права, которые человек имеет офлайн (англ. offline – вне сети), должны защищаться и онлайн (англ. online – в Интернете). Этот постулат обоснован и позволяет судить о степени зрелости правовых подходов, которые распространяются на новую сферу общественных отношений в части защиты прав и свобод – основного правового завоевания человечества. Вместе с тем воспринятые обществом и государством ограничения в отношении определенных юридических действий, служащие оправданным механизмом поддержания правопорядка, в виртуальной среде либо ослаблены, либо отсутствуют полностью. Большая часть таких ограничений связана как раз с защитой.

Один из самых простых примеров – визовый режим. Фактически он не нарушает права на свободу передвижения, но формирует определенный механизм контроля за передвижением и служит общественным интересам. В виртуальном пространстве такого института нет в принципе. Свободные трансграничные перемещения являются «естественной» функцией глобальной сети, «принимаящая сторона» при этом может даже не подозревать о том, кто «проникает на ее территорию».

Законом здесь может служить правило, сформулированное Джоном Постелом – одним из основных авторов интернет-протоколов, – «Будь требователен к тому, что отсылаешь, и либерален к тому, что принимаешь». Несмотря на то, что это правило было адресовано лицам, занимающимся технологическими вопросами обеспечения работы Интернета, оно приобрело характер закона и, вероятно, его действие надо осмыслить с точки зрения реализации общественных отношений, которые складываются в процессе трансграничного обмена информацией.

В литературе отмечается, что культура Интернета уходит корнями в культуру свободы и специфическую культуру хакеров, существует культурный резонанс между культурой дизайнеров Интернета, особенностями их деятельности как создателей относительно автономной сети коммуникаций и ростом культуры экспериментирования, которая находит путь к сознанию миллионов на основе разноразличной системы связей, создаваемой миллионами отправителей/получателей сообщений⁶.

Неслучайно здесь хотелось бы подчеркнуть «культуру экспериментирования». Эксперимент в виртуальном пространстве – это тоже сфера, где традиционные, в том числе правовые ограничения, стираются. Как правило, стадия испытаний технологических новаций совпадает со стадией внедрения новых информационных или программных продуктов. При этом оценка социальных последствий остается за рамками исследовательского поля и осуществляется уже при возникновении спорных либо конфликтных ситуаций или каких-либо иных неблагоприятных последствий.

В отсутствие четких правил и при ослаблении традиционных юридических ограничений факторы правовой культуры приобретают особую значимость и могут стать критерием сохранения свободы в виртуальном пространстве как новой социально-технологической реальности.

⁶ Гуманитарный портал «Рейтинг стран мира по уровню свободы Интернета». Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/freedom-on-the-net> (дата обращения: 25.05.2024).

Правовая культура и иерархия субъектов в виртуальном пространстве

Новые технологии также создают определенный контекст для исследования правовой культуры в виртуальном пространстве. В первую очередь, с точки зрения иерархии субъектов, вовлеченных в их развитие и распространение. Уровень правовой культуры субъектов здесь будет определять степень доверия к тем или иным информационным ресурсам, интенсивность их концентрации в наиболее безопасной и продуктивной онлайн-среде. Следует отметить, что современные интернет-гиганты, такие как Google, обязаны своим успехом в том числе правовым инструментам, способности оперативно реагировать на запросы интернет-общественности, разрабатывать подробные условия пользовательских соглашений, совершенствовать механизмы модерации сайтов и т.п.

Современные интернет-технологии послужили культурно-правовой эволюции государственных институтов, обеспечив тенденцию транспарентности государственной деятельности, широкое распространение правовых знаний и возможность обратной связи со стороны пользователей. Внедряются институты открытого (электронного) правительства, государственный контроль дополняется общественным контролем, право граждан осуществлять общественный контроль в сфере публичного управления закрепляется на законодательном уровне (Kasatkina, et al., 2014; Krysenkova, et al., 2021).

Важным выводом при анализе взаимовлияния правовой культуры и технологий является утверждение о неоднолинейном развитии социально-технологической сферы (Ross, 2007). Речь идет о практически паритетном взаимодействии технологий и общественных процессов, в которых правовая культура играет если не доминирующую, то одну из ключевых ролей (Ross, 2007). Такое взаимодействие определяет коммуникационные системы как силу, формирующую правовую культуру. Утверждается, что системы коммуникаций медленно и непреднамеренно помогают изменить то, как люди понимают и практикуют право. При этом их предположительно имманентные эффекты интериоризируются⁷ (а не блокируются или игнорируются) правовой системой. Вместе с тем констатируется и способность социального контекста сдерживать (а также направлять или ускорять) эффекты, присущие технологиям.

В подтверждение этого вывода можно привести факт начала изменения политики в отношении управления данными в Интернете – наиболее злободневного вопроса в сфере защиты цифровых прав и свобод. Компания Inrupt, за которой стоит создатель Всемирной паутины (World Wide Web) британский ученый Тимоти Бернерс-Ли (Timothy Berners-Lee), анонсировала выпуск коммерческой корпоративной версии программной платформы, которая, по заявлению разработчиков, позволит пользователям получить полный контроль над собственными данными. Только конечные пользователи смогут решать, какими именно данными, с кем и на каких условиях делиться в рамках указанной экосистемы. В представлении ученого интернет будущего – децентрализованный, то есть предполагает отсутствие хранилищ данных, контролируемых крупными интернет-компаниями, такими как Google и

⁷ Интериоризация – формирование внутренних структур человеческой психики благодаря усвоению структур внешней социальной деятельности. Понятие И. было введено французскими психологами (П. Жане, Ж. Пиаже, А. Валлон и др.).

Amazon⁸. За этой информацией фактически стоит признание в изначальном упущении при разработке основных интернет-протоколов социальной составляющей технологий – права участников интернет-общения на контроль за собственной информацией, которое является неотъемлемой частью ряда основных прав и свобод, включая право на защиту частной жизни.

Заключение

В настоящее время, когда в виртуальном пространстве эффективность традиционных механизмов снижена, а новые юридические догматы еще не сформировались, значительная роль в поддержании правопорядка принадлежит правовой культуре. В ней заложены накопленные знания о значении и действии права, возможных правонарушениях, реакции на них со стороны общества и государства, что позволяет воздействовать на субъекты интернет-отношений на уровне правосознания.

Таким образом, правовая культура в виртуальном пространстве имеет двойственную природу. С одной стороны, в виртуальную среду перенесены из реального мира наиболее устойчивые, рациональные и прошедшие проверку временем правовые ориентиры, которые в определенных случаях способны восполнить механизмы правового регулирования в новой социально-технологической реальности. С другой стороны, виртуальное пространство формирует новые культурно-правовые образцы поведения субъектов интернет-отношений, сочетающие механизмы саморегулирования и государственного регулирования, отражающие современные социальные практики и адаптирующие интернет-культуру к правовым нормам. Такие образцы могут служить результатами правовой культуры наравне с объектами культуры в общепринятом понимании этой категории. Так же как уровень культуры в широком понимании определяет социальный статус субъекта общественных отношений, уровень правовой культуры может повлиять на его правовой статус и место в социальной иерархии.

References / Список литературы

- Avtonomov, A.S. (2016) Structural Analysis of Legal Culture. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*. (2), 5–9. <https://doi.org/10.12737/19194> (in Russian).
Автономов А.С. Структурный анализ правовой культуры // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. №. 2. С. 5–9. <https://doi.org/10.12737/19194>
- Baranova, M.M. (2020) Right-Cultural Memes in a Programmable Communications Society. In: Lazarev, V.V. (ed.) *Law and Statute in the Programmed Society (to the 100th anniversary of the Birth of Daniel Bell): collection of scientific articles*. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law Under the Government of the Russian Federation, pp. 126–132. (in Russian).
Баранова М.М. Правокультурные мемы в обществе программируемых коммуникаций // Право и закон в программируемом обществе (к 100-летию со дня рождения Даниела Белла): сборник научных статей; отв. ред. В.В. Лазарев. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2020. С. 126–132.
- Bell, D. (2004) *The Coming Post-Industrial Society. The Experience of Social Forecasting*. Translated from English under the editorship of Inozemtsev V.L. Moscow, Academia Publ. (in Russian).

⁸ По данным сетевого издания «CNews». Режим доступа: https://www.cnews.ru/news/top/2020-11-09_otets_interneta_predlozhit (дата обращения: 25.05.2024)

- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 2004. 783 с.
- Castells, M. (2023) *The Power of Communication: a textbook*. Translated from English by Tylevich N.M.; the preface to the 2013 edition is translated from English by Arkhipova A.A.; under the scientific editorship of Chernykh A.I.; National research. Higher School of Economics Univ. 4th ed., Moscow, Higher School of Economics Univ. Publ. (in Russian).
- Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие; пер. с англ. Н.М. Тылевич; пер. с англ. предисл. к изд. 2013 г. А.А. Архиповой; под науч. ред. А.И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 4-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 591 с.
- Chuiko, N.A. (2013) Visualization of Law. *Journal of Russian Law*. (5), 121–131. (in Russian)
- Чуйко Н.А. Визуализация права // Журнал российского права. 2013. № 5. С. 121–131.
- Goloskokov, L.V. (2003) *Legal Doctrines: from the Ancient World to the Information Age*. Moscow, Scientific World Publ. (in Russian).
- Голоскоков Л.В. Правовые доктрины: от Древнего мира до информационной эпохи. М.: Научный мир, 2003. 317 с.
- Gracheva, S.A. & Cheremisinova, M.E. (2021) Basic Rights and Freedoms in the Digital Dimension. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*. 21(1), 64–73. <https://doi.org/10.14529/law210110> (in Russian).
- Грачева С.А., Черемисинова М.Е. Основные права и свободы в цифровом измерении // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2021. Т. 21. № 1. С. 64–73. <https://doi.org/10.14529/law210110>
- Granat, N.L. & Panasyuk, V.V. (1998) Legal Awareness and Legal Culture. *Jurist*. (11–12), 2–8. (in Russian).
- Гранат Н.Л., Панасюк В.В. Правосознание и правовая культура // Юрист. 1998. № 11–12. С. 2–8.
- Ivanova, M.A. (2019) Legal Culture in the Context of the Development of a Network Society. *Baltic Humanitarian Journal*. 8(2(27)), 149–152. (in Russian).
- Иванова М.А. Правовая культура в условиях развития сетевого общества // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2(27). С. 149–152.
- Kasatkina, N.M., Krysenkova, N.B. & Leshchenko, F.A., et al. (2014) *Open Government in Foreign Countries. Legal Regulation and Practice: Monograph*; Timoshenko, I.G. (ed.). Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M Publ. (in Russian).
- Открытое правительство за рубежом. Правовое регулирование и практика: монография / Н.М. Касапкина, Н.Б. Крысенкова, Ф.А. Лещенков и др.; отв. ред. И.Г. Тимошенко. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2014. 210 с.
- Khabrieva, T.Y. (2018) Law Facing the Challenges of Digital Reality. *Journal of Russian Law*. (9), 5–16. https://doi.org/10.12737/art_2018_9_1 (in Russian).
- Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16. https://doi.org/10.12737/art_2018_9_1
- Khokhlova, E.M. & Duvayarova, S.A. (2022) Legal Culture and Digitalization of Modern Society. *Problems of Law*. 4(87), 16–19. (in Russian).
- Хохлова Е.М., Дуваярова С.А. Правовая культура и цифровизационное современное общество // Проблемы права. 2022. № 4 (87). С. 16–19.
- Keizerov, N.M. (1982) *Political and Legal Culture. Methodological Problems*. Moscow, Legal literature Publ. (in Russian).
- Кейзеров Н.М. Политическая и правовая культура. Методологические проблемы. М.: Юридическая литература, 1982. 241 с.

- Krysenkova, N.B., Leschenkov, F.A. & Treshchetenkova, N.Yu., et al. (2021) *Trends in Digitalization of Executive Power in Foreign Countries: a scientific and practical guide*; Pilipenko, A.N. (ed.). Moscow, ILCL; Infotropik Media Publ. (in Russian).
Тенденции цифровизации исполнительной власти в зарубежных странах: научно-практическое пособие / Н.Б. Крысенкова, Ф.А. Лещенков, Н.Ю. Трещетенкова и др.; отв. ред. А.Н. Пилипенко. М.: ИЗиСП; Инфотропик Медиа, 2021. 232 с.
- Lazarev, V.V., Gadzhiev, H.I. & Alimov, E.V., et al. (2020a) *Data Protection: a scientific and practical commentary on judicial practice*; V.V. Lazarev, H.I. Gadzhiev (eds.). ILCL. Moscow, LLC "LEGAL FIRM CONTRACT" Publ. (in Russian).
Защита данных: научно-практический комментарий к судебной практике / В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев, Э.В. Алимов и др.; отв. ред. В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ, 2020. 176 с.
- Lazarev, V.V. (2020b) The State in the light of mythology. *Journal of Russian Law*. (3), 5–18. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.026> (in Russian).
Лазарев В.В. Государство в свете мемуологии // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 5–18. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.026>
- Lebedeva, N.N. (2004) *Legal culture of personality and the Internet: Theoretical aspect*: abstract of Candidate of Legal Sciences dissertation. Moscow, Russian Academy of Law. Ministry of Justice of the Russian Federation. (in Russian).
Лебедева Н.Н. Правовая культура личности и Интернет: теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Рос. правовая акад. М-ва юстиции РФ, 2004. 21 с.
- McLuhan, M. (1987) Television. The Timid Giant. Translation by Terin V.P. In: *Television yesterday, today, tomorrow*. Moscow, Iskusstvo, pp. 167–180. (in Russian)
Маклюэн М. Телевидение. Робкий гигант / пер. В.П. Терин // Телевидение вчера, сегодня, завтра. М.: Искусство, 1987. С. 167–180.
- Minbaleev, A.V., Martynov, A.V. & Kamalova, G.G. (2020) *Mechanisms and models of regulation of digital technologies: Monograph*; Minbaleev, A.V. (ed.). Moscow, Prospect Publ. (in Russian).
Минбалеев А.В., Мартынов А.В., Камалова Г.Г. Механизмы и модели регулирования цифровых технологий: монография / под ред. А.В. Минбалеева. М.: Проспект, 2020. 264 с.
- Naumov, V.B. (2021) *Institute of Identification in Information Law*: abstract of Candidate of Legal Sciences dissertation. Moscow, ISL RAS Publ. (in Russian).
Наумов В.Б. Институт идентификации в информационном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ИПИ РАН, 2021. 52 с.
- Nersesyants, V.S., Muromtsev, G.I. & Mal'tsev, G.I., et al. (2002) *Law and Culture: Monograph*. Moscow, RUDN. (in Russian).
Право и культура: монография / Нерсисянц В.С., Муромцев Г.И., Мальцев Г.И., Лукашева Е.А., Варламова Н.В., Лапаева В.В., Соколова Н.С. М.: РУДН, 2002. 422 с.
- Pevtsova, E.A. & Sapogov, V.M. (2021) Formation of the Legal Culture of Minors in the Context of Digitalization of the Legal Life of Society. *Bulletin of Tomsk State University*. (470), 242–252. (in Russian).
Певцова Е.А., Сапогов В.М. Формирование правовой культуры несовершеннолетних в условиях цифровизации правовой жизни общества // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 242–252.
- Ross, Richard J. (2002) Communications Revolution and Legal Culture: An Elusive Relationship. *Law and Social Inquiry*. 27(3), 637–684.
- Shapovalova, G.M. (2020) *"Digital Culture" in the Concept of the Global Information Society: Theoretical and Legal Aspect: monograph*. Vladivostok State University of Economics and Service. Vladivostok, Publishing House of Vladivostok State University of Economics and Service. (in Russian).

Шаповалова Г.М. «Цифровая культура» в концепции глобального информационного общества: теоретико-правовой аспект: монография. Владивосток: Изд-во Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, 2020. 176 с.

Steinschaden, Ja. (2011) *Social Network. The Facebook⁹ Phenomenon*. Saint Petersburg, Peter Publ. (in Russian).

Штайнишаден Я. Социальная сеть. Феномен Facebook¹⁰. СПб.: Питер, 2011. 223 с.

Tikhomirov, Yu.A. (2010) *Legal regulation: theory and practice*. Moscow, Formula of Law Publ. (in Russian).

Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010. 398 с.

Vlasenko, N.A. (2009) *Theory of State and Law: a scientific and practical guide*. Moscow, Jurisprudence Publ. (in Russian).

Власенко Н.А. Теория государства и права: научно-практическое пособие. М.: Юриспруденция, 2009. 423 с.

Об авторе:

Черемисинова Мария Евгеньевна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; 117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34

ORCID: 0000-0001-5812-1719; SPIN-код: 3470-2444

e-mail: mech.july@yandex.ru

About author:

Maria E. Cheremisinova – Candidate of Legal Science, Senior Researcher of the Department of Legal Theory and Interdisciplinary Studies of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-5812-1719; SPIN-code: 3470-2444

e-mail: mech.july@yandex.ru

⁹ On March 21, 2022, the Tverskoy District Court of Moscow satisfied a lawsuit filed by the Prosecutor General's Office of the Russian Federation and recognized the activity of the social network Facebook and Instagram, owned by Meta, as extremist, banning its operation in Russia.

¹⁰ Данный интернет-ресурс запрещен на территории Российской Федерации по основаниям осуществления экстремистской деятельности (решение Тверского районного суда г. Москвы от 21 марта 2022 г. по делу № 02-2473/2022).